

Виталий Тихонов

**«В великую книгу об истории нашей родины Б.Д. Греков вписал немало ярких страниц»\***

*Vitaliy Tikhonov*

*(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences;  
Russian State University for the Humanities, Moscow)*

**«B.D. Grekov wrote many bright pages in the great book about the history of our homeland»**

DOI: 10.31857/S086956870010789-8

На заседании Института истории АН СССР 3 апреля 1943 г. по случаю присуждения Б.Д. Грекову Сталинской премии выступил известный ленинградский историк И.И. Смирнов, который, среди прочего, заявил: «В великую книгу об истории нашей родины Б.Д. Греков вписал немало ярких страниц». Конечно, стоит учитывать присущую торжественному моменту патетику. Однако представляется, что эта фраза вполне отражает статус героя рецензируемой публикации и его значение для истории отечественной исторической науки.

При этом, как ни парадоксально, среди её классиков Греков остаётся одной из самых загадочных фигур. Ряд статей и апологетическая биография, написанная Н.А. Горской<sup>1</sup>, не меняют общей картины и не позволяют до конца понять его место и роль в исторической науке первой половины XX в. Одни смотрят на него как на наследника и продолжателя дела дореволюционной историографической традиции, другие — как на символ конформизма, капитуляции академической среды перед партаппаратом, третьи видят благородного человека, вынужденного в непростое время

идти на компромиссы ради спасения науки. Разброс оценок определяется не только личностными особенностями, жизненным опытом и разными исследовательскими ракурсами, под которыми рассматривается фигура Грекова, но и острым дефицитом документов, позволяющих понять его как личность. Кроме того, такие источники позволили бы уяснить многие важные нюансы ключевых событий в истории науки сталинской эпохи, учитывая статус учёного как одного из руководителей «исторического фронта» (как любили говорить в 1930—1940-х гг.). Небольшой личный фонд Грекова сформирован совсем недавно и до сих пор к нему нет доступа исследователей. Вот почему любые публикации касающихся его документов вызывают неподдельный интерес.

Публикацию писем Грекова подготовил известный археограф В.Г. Бухерт. Книга прекрасно вписывается в серию его изданий эпистолярного наследия известных историков советского времени (например, не так давно вышла переписка Н.М. и Е.И. Дружининых<sup>2</sup>).

\* Б.Д. Греков. Письма (1905—1952 гг.) / Сост. В.Г. Бухерт. М.: Памятники исторической мысли, 2019. 504 с., ил.

Перед нами сборник из 309 писем, охватывающих период 1905—1952 гг. Они выявлены в 12 московских и петербургских архивохранилищах — и проделанная работа впечатляет. В силу объективных причин — Греков небрежно относился к своему архиву — говорить о полноте сохранности его эпистолярного наследия не приходится, поэтому письма пришлось собирать буквально по крупичкам. Но даже в таком виде они дают многое для понимания биографии историка.

Документы выстроены по хронологическому принципу. В случае если источники уже публиковались, это указано в легенде. Спорным представляется решение отказаться от публикации ответных писем корреспондентов учёного. Учитывая вышесказанное, логично предположить, что их не так уж и много. Выбранный подход нарушает главную характеристику переписки как источника — её диалогичность, превращает издание в своеобразный (пусть и чрезвычайно интересный) монолог, контекст которого не всегда ясен, хотя в ряде случаев этого можно было избежать. Такое решение Бухерт объясняет нежеланием нарушать принцип издания. Однако его монолитность всё равно нарушают приложения, включающие самые разные виды источников. В книгу не попали (о чём указано в предисловии) ответные письма С.Б. Веселовского, при этом письма Д.М. Петрушевского (публиковавшиеся в упомянутой монографии Горской) оказались в разделе Приложение. Всё это выглядит несколько странно. Может быть, имело смысл отказаться от ряда приложений и всё же включить выявленные корреспонденции полностью? Необходимо отметить и то, что не учтена публикация письма Грекова (от 14 февраля 1942 г.) известному специалисту по истории древности А.Б. Рановичу<sup>3</sup>.

Как бы то ни было, опубликованные письма позволяют реконструировать важные факты интеллектуальной биографии учёного. Письма 1900—1910-х гг. раскрывают круг наставников-патронов тогда ещё начинающего историка: Д.М. Петрушевского, С.Ф. Платонова и С.Д. Шереметьева<sup>4</sup>. Последний сыграл особую роль в его судьбе. Их познакомил Платонов, и именно Шереметьев, видимо, стал главным патроном молодого учёного, помогая ему в начале академической карьеры<sup>5</sup>, которая складывалась достаточно успешно. Судя по письмам, отношения Грекова со старшими товарищами были достаточно близкими — он мог поведать им о своём эмоциональном состоянии и даже исповедоваться (см. письмо № 46 Шереметьеву).

Публикация даёт немало материала и для понимания неофициальной стороны жизни корпорации историков начала XX в. Например, в ней отразилось скрытое противостояние между «всеобщниками» (специалистами по европейской истории) и «русистами» (специалистами по истории отечественной). Так, 26 декабря 1913 г. Греков писал Платонову из Варшавы: «Погибаем без Вас, Сергей Фёдорович! Обижают на Курсах (Высших женских курсах. — *В.Т.*) русскую историю, и вступитья некому. На последнем заседании было обидно и больно не только за предмет, а и за Россию вообще, которая будет отдавать своих детей в школы, где их будут обучать, что в России ничего не было, ни одного учреждения, что “заниматься”, конечно, можно чем угодно, но что настоящие исторические работы могут быть только по западно-европейской истории *etc*» (с. 129. См. также письмо № 77 Шереметьеву). Стоит отметить, что противостояние определялось не только мировоззренческими и научными факторами, но и

вполне прозаичной борьбой за количество часов на те или иные предметы. Интересно, что сами «всеобщие» жаловались на «византийщину» (курс истории Византии, который начал вводиться в университетах в последней четверти XIX в.) как на инструмент «вытравливания» западноевропейской истории<sup>6</sup>.

Заслуживают внимания и характеристики ряда уже известных или только начинавших историков. Например, С.Б. Веселовского. Из воспоминаний А.А. Зимина известно, что Греков его «боготворил (в душе)»<sup>7</sup>, и формирование этого особого отношения фиксирует переписка. В письме Шереметьеву от 24 декабря 1911 г. Греков характеризовал историка так: «Это вдумчивый, серьёзный человек и очень скромный» (с. 94), а в письме к А.С. Лаппо-Данилевскому от 31 декабря 1911 г. писал, что он «очень интересный человек» (с. 95).

Интересно в письмах представлена академическая география Российской империи. Выясняется, что Казань, когда у Грекова возникла возможность начать преподавать там, воспринималась им как место, где можно работать (с. 151), но, очевидно, хотелось бы большего. Петроград воспринимался как важнейший научный и культурный центр, который нужен «как (научная. — В.Т.) школа» (с. 158). Пермь, где Греков работал в 1916—1917 гг., предстаёт, с одной стороны, как научная провинция, но с другой — как место, где профессора и студенты выполняют важную культурную миссию. Уже в советское время в письме В.И. Шункову из Ташкента он противопоставлял ленинградцев и москвичей: «Из Ленинграда здесь Валк, Предтеченский и Романов. Работают хорошо, как подобает ленинградцам. Это совсем не значит, что москвичи не работают, но во 1-х не все, а во 2-х в Ленинграде уже такой рабочий дух завёлся, вероятно, от Петра, чего в

Москве меньше» (с. 258). Интересно, что здесь мы сталкиваемся с классической для русской культуры дихотомией Москва—Петербург, проецировавшейся и на академическую среду<sup>8</sup>. Замечу, что проблема «ментальной» географии российской науки — тема почти не исследованная.

Февральскую революцию Греков встретил с восторгом: «Чувство большой тревоги за тех, кто взял на себя большое и ответственное дело, постепенно сменяется уверенностью в благополучном исходе борьбы, восхищением перед мужеством и умением ориентироваться в сложной обстановке, радостью, большой невыразимой радостью за успех и гордость за русского человека. Слава Богу!!» (с. 183. Письмо № 141 от 4 марта 1917 г. Петрушевскому). Впрочем, эйфория быстро прошла, и со всей остротой встали вопросы выживания в революционную эпоху. В письме Платонову из Перми от 23 февраля 1918 г. находим: «Слава Богу, питаться есть чем. Думаю о тех, кто сейчас в Петрограде, и больно за них» (с. 187). Письма № 148—154 пополняют знания о работе Грекова в Симферопольском университете в 1918—1921 гг.<sup>9</sup>

1920-е гг. представлены в издании довольно скупо, зато писем следующего десятилетия куда больше. В 1933—1934 гг. можно отметить высокую плотность переписки с Петрушевским. Заметно, что контакты между двумя историками усилились. Именно Петрушевский рекомендовал АН СССР кандидатуру Грекова в качестве члена-корреспондента (с. 344—345. Приложение. Док. № 6). Это время стало переломным для главного героя книги, поскольку именно тогда он представил концепцию феодализма в Киевской Руси, сделавшую его ведущим советским историком, а вскоре и важным администратором от науки.

В письмах раскрываются черты его характера. Из письма Петрушевскому от 12 февраля 1933 г. можно узнать, что Грекова не привлекала педагогическая и административная деятельность в вузе. Он отдавал предпочтение научно-исследовательской работе (с. 211).

Великая Отечественная война привела к увеличению количества писем, поскольку эвакуация в Ташкент потребовала поддерживать связь с коллегами. Письма военной поры, пожалуй, самые интересные в издании. В них — подробности работы учёных в эвакуации, описание взаимоотношений внутри корпорации. Даже если судить только по ним, очевиден рост числа дискуссий в исторической науке. Это можно связать с поиском советской элитой нового образа прошлого, обусловленного текущими идеологическими потребностями. Историки играли в этом процессе ведущую роль, откликаясь на не всегда ясные установки верхов и предлагая свои версии «полезного прошлого».

Послевоенные годы стали зенитом карьеры Грекова, но в выявленных письмах они отражены скупно. Между тем это было непростое время, на которое пришлась серия идеологических кампаний, затронувших и научный мир. Надо отдать учёному должное: он старался выполнять предписания организаторов погромов формально, что помогало сглаживать последствия репрессий. Так, опубликовано письмо учёному секретарю АН СССР А.В. Топчиеву, в котором Греков заступался за подвергшихся проработкам сотрудников Института истории: С.Б. Кана, Л.И. Зубока и Э.Б. Генкину (док. № 281). Наиболее информативной частью послевоенной корреспонденции можно считать письма И.И. Смирнову.

Издание сопровождается обширными приложениями. Публикацию ряда из них следует одобрить. В пер-

вую очередь это касается характеристик Грекова, данных Петрушевским и С.Г. Томсинским при выдвижении его в члены-корреспонденты АН СССР в 1934 г. Большой интерес представляют рецензии Грекова на труды других историков и ранее не публиковавшиеся тексты его выступлений и небольших статей.

В то же время вряд ли удачно решение напечатать тексты выступлений Грекова в Институте красной профессуры в 1937 г., на заседаниях Учёного совета Института истории АН СССР, посвящённых борьбе с «буржуазным объективизмом» (1948) и «безродным космополитизмом» (1949). В последнем случае, кстати, представлены и выступления других историков: С.В. Бахрушина, А.Л. Сидорова, Н.А. Машкина. Выхваченные из контекста, они вряд ли могут послужить информативным и надёжным источником понимания феномена идеологических кампаний «позднего сталинизма».

Любопытна подборка «Историки о Б.Д. Грекове», в которой помещены тексты уже упомянутого доклада Смирнова «Б.Д. Греков как историк». Интересен и впервые опубликованный фрагмент воспоминаний, написанных Сидоровым. В этой связи хотелось бы пожелать, чтобы до сих пор неопубликованные мемуары последнего в скором времени вышли в свет в полном виде.

Завершая обзор, отмечу, что книгу предваряет написанный Бухертом большой очерк жизни и научного творчества учёного, в основном учитывающий новейшую историографическую литературу по теме. Однако полноценной научной биографии Грекова историческая наука пока не имеет. Стимулирует ли это издание её написание? Очень хочется на это надеяться.

## Примечания

<sup>1</sup> Горская Н.А. Борис Дмитриевич Греков. М., 1999.

<sup>2</sup> Переписка Н.М. и Е.И. Дружининых с историками, литературоведами, писателями / Сост. В.Г. Бухерт. М., 2018.

<sup>3</sup> Абрам Борисович Ранович: документы и материалы / Сост., предисл. и примеч. А.И. Клюева, О.В. Метель; науч. ред. С.Б. Крих. Омск, 2018. С. 39—40.

<sup>4</sup> О феномене патронажа, его роли и механизмах функционирования в среде историков первой четверти XX в., и особенно роли Шереметьева, см.: Kaplan V. *Historians and historical societies in the public life of Imperial Russia*. Bloomington (Ind.), 2017.

<sup>5</sup> Подробнее см.: Горская Н.А. Указ. соч. С. 34—39.

<sup>6</sup> Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 131—132.

<sup>7</sup> Зимин А.А. Храм науки // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. М., 2015. С. 152.

<sup>8</sup> См.: Тихонов В.В. Московская и петербургская школы «русских историков» в контексте дихотомии «Москва—Петербург» (конец XIX — начало XX в.) // Люди и тексты. Исторический альманах. 2012. М., 2013. С. 344—378.

<sup>9</sup> Подробнее об этом см.: Филимонов С.Б. Интеллигенция в Крыму (1917—1921): поиски и находки источниковеда. Симферополь, 2006. С. 140—171; Кривошеев Ю.В. Крым в жизни и творчестве академика Б.Д. Грекова // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2017. № 7. С. 361—376.

*Владимир Глазьев*

**Рец. на: А.П. Синелобов. Персональный состав городских приказчиков и губных старост Московского государства XVI—XVII вв. М.: ИНФРА-М, 2018. 174 с.**

*Vladimir Glaziev*

*(Voronezh State University, Russia)*

**Rec. ad op.: A.P. Sinelobov. Personalniy sostav gorodovykh prikazchikov i gubnykh starost Moskovskogo gosudarstva XVI—XVII vv. Moscow, 2018**

**DOI: 10.31857/S086956870010790-0**

С 1990-х гг. в российской исторической науке усилился интерес исследователей к истории провинциальных дворян и детей боярских XVI—XVII вв., объединённых в «служилые города». История «служилого города» продолжает изучаться с учётом региональных особенностей. В этом контексте вполне ожидаемо появление трудов об участии городских дворян и детей боярских в местном управлении. В монографии А.П. Синелобова исследуется персональный состав городских приказчиков и губных старост XVI—XVII вв. Автор обоснованно относит их к элементам сословного представительства и управления

выборных институтов на местах (с. 3). Представляется оправданным учёт региональных особенностей состава городских приказчиков и губных старост, их личностных характеристик, судебных, родственных связей, имущественного положения. Исследование дополнено списком губных старост и городских приказчиков примерно 80 уездов.

Исторические источники для написания работы автор условно разделил на две группы. К первой группе он отнёс перечни лиц, служивших городскими приказчиками и губными старостами, в том числе созданный на основе этих перечней «Местни-